

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

49
880

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН
ПО ПРОЕКТАМ
ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ
НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

Оттиск из журнала
„УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ г. ОДЕССЫ“
Отдел Гуманитарно-Общественн. Наук. Том. I. Вып. I.

ОДЕССА—1921.

Дупанов
247

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

Борису Александровичу
Луначову

на добрую память
вн. экземпляру

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН
ПО ПРОЕКТАМ
ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ
НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

Одесса
19/VIII 1921.

Отиск из журнала

„УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ г. ОДЕССЫ“.

Отдел Гуманитарно-Общественн. Наук. Том. I. Вып. I.

Одесса—1921.

А. В. ФЛОРОВСКИЙ

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУ ИМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

Handwritten notes in Cyrillic script, mostly illegible due to fading.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯН
ПО ПРОЕКТАМ
ТАВЕРЬСКИХ КОМИТЕТОВ
НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

Лупанов

247

ОТДЕЛЪ УЧЕБНАГО ПОСОБИЯ
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ
ОТДЕЛЪ УЧЕБНАГО ПОСОБИЯ. Том I. Вып. I.

1921—1920

Освобождение крестьян по проектам губернских комитетов Новороссийского края.

Профессор А. В. Флоровский.

«Задача моя и моих товарищей по крестьянскому вопросу — угодить правительству, дворянству и вместе улучшить быт крестьян. Все это труднее кажется задачи о волке, козе и сене».

О. О. Чижевич,

член Херс. губ. комитета.

Деятельность губернских комитетов является в высокой мере любопытной и показательной стадией подготовки „великой реформы“. Вызванные к жизни во многих случаях подсказом со стороны правительства, губернские комитеты должны были найти формулировку и детальное обоснование и развитие взглядам дворянства по вопросу об уничтожении крепостного „права“. Данные правительством условия этой задачи предстояло примирить или преломить в сознании дворян-землевладельцев и создать решение, в одинаковой степени удовлетворявшее помещиков и не нарушавшее и не отступавшее от почти ультимативных заданий высшей власти. Если тот или другой проект не был в конечном итоге использован в целом или в частях для составления Положений 19 февраля 1861 г., то это несколько не умаляет его ценности и интереса, ибо, — не явившись слагаемым государственного акта, каждый такой проект остался историческим фактом, показателем известных общественных настроений и воззрений.

Изучение дворянских проектов с этой точки зрения встречало на своем пути некоторые препятствия. Из них первое и существеннейшее заключается в том, что печатные современные тексты проектов составляют весьма значительную редкость. Обычно с проектами комитетов знакомятся по „Материалам редакционных комиссий“, где дано систематическое изложение всех проектов по отдельным вопросам¹⁾. Такой источник не может быть признан вполне достаточным, ибо мы не видим каждого проекта в целом, не можем наблюдать с полной ясностью его построение, соотношение частей и т. п. Имея возможность познакомиться с проектами комитетов губерний Новороссийского края, автор настоящих строк предлагает вниманию читателей краткий обзор их содержания и сведения о настроениях дворянства в период их составления. Отметим заранее, что краткие справки о Херсонском комитете сообщены в

¹⁾ Первое издание материалов редакционных комиссий для составления „Положений“ о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, части I, VII, X. Спб. 1859—60. Также — Скребицкий, Крестьянское дело в царствование Александра II. Бонн на Рейне 1862—68.

статье А. З. Попельницкого — „Херсонское дворянство в деле освобождения крестьян“ (Одесские Новости, 1911, 19 февраля) и о Таврическом в статье Арс. Маркевича. — «Освобождение крестьян в Таврической губернии» (Изв. Тавр. учен. архив. комиссии 1912, № 47¹⁾).

Как известно, движение дворянства вокруг крестьянского вопроса в смысле освобождения крепостных — было вызвано к жизни фактом рассылки по губерниям знаменитого рескрипта Александра II на имя генерал-губернатора Виленского, Гродненского и Ковенского и особого отношения на его же имя от Мин. Вн. Дел касательно организации дворянских комитетов и возлагаемых на них задач. Распространение в копии этих документов с припискою о том, что они сообщаются в губернии „для сведения и соображения на случай, если бы дворянство вверенной Вам губернии изъявило подобное желание“ (принять участие в обсуждении крестьянского дела и т. п.), имело, как известно, цель действительно вызвать общий подъем внимания к крепостному крестьянству и predetermined в принципе его освобождению и толкнуть дворянство на активную помощь правительству предварительным обсуждением конкретных форм осуществления правительственных намерений.

Указанные документы были посланы из Мин. Вн. Дел в Одессу на имя ген.-губ. Новороссии гр. А. Г. Строгонова 24 ноября 1857 года. Отправляя экземпляры их губернаторам Херсонскому, Екатеринославскому и Таврическому, гр. Строгонов — „по чрезвычайной важности настоящего предположения, которое должно сделаться известным дворянству и может дойти до слуха крестьян хотя в неясном виде“, счел нужным покорнейше просить губернаторов „обратить особое внимание на то влияние, которое это известие произведет на помещиков, и о проявлении их мнений чаще доводить до моего сведения конфиденциально“²⁾. Администрация местами выполнила это поручение генерал-губернатора, что помогает нам познакомиться с подлинными впечатлениями и настроениями дворянства в начальные моменты всей эпопеи крестьянской реформы.

Наиболее полно осведомлены мы о впечатлении, произведенном рескриптом Назимову в Екатеринославской губернии. О Херсонской мы не имеем ничего кроме заключительного постановления, о коем ниже, о Таврической лишь общие полуказанные сведения, что „предмет этот вообще принимается здесь под благоприятным впечатлением“ и что помещики в большинстве выразили полную готовность работать в губернском комитете³⁾.

На Екатеринославское дворянство рескрипты и циркуляры министра произвели потрясающее впечатление. „Эти правительственные распоряжения, внезапно полученные, поразили многих до отчаяния предположением последствий исполнения этого преобразования, во 1-х относительно состояния каждого, во 2-х относительно страха возобновления примеров, бывших в Галиции, и в

¹⁾ Общий обзор деятельности губ. комитетов см. в статье А. Корнилова: Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858—59 гг. в книге-Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. Спб. 1905 г., стр. 119—312.

²⁾ Арх. Ген.-Губ. (ниже АГГ). д. секр., 1857, № 53, лл. 1—12.

³⁾ Ibid., лл. 35, 269 и след.

особенности, чтобы замедлением выражения согласия на предполагаемое преобразование быта крестьян не лишиться прав, предоставленных дворянству Монархом участвовать в этом важном деле.“ Это „крайнее смущение“ дворян было сглажено затем „упованием на милостивое воззрение Монарха“¹⁾. „Дворяне этими непредвиденными распоряжениями Правительства—за исключением весьма немногих лиц, имеющих большое количество земли, поставлены в недоумение относительно будущего своего положения, преимущественно тем, что большая часть дворян губернии имеют небольшие состояния, обязанные долгами в кредитные установления и частным лицам и потому полагают, что это преобразование быта крестьян неминуемо повлечет за собою одних к значительному ослаблению состояния и хозяйственного устройства безвозмездным лишением для земледелия и других отраслей хозяйства, других—что они этим лишатся средств для содержания собственных семейств прилично их званию, и третьих—которых имения более обременены долгами, что они с поводу этого преобразования могут сделаться несостоятельными в платеже долгов кред. установлениям и частным лицам и следовательно лишатся чести и доброго имени“²⁾.

Такое паническое настроение и смятение известной части дворянства не толкнули, однако, ее в сторону оппозиции правительственному начинанию. Позднее, представляя правительству законченные проекты освобождения крестьян губернских комитетов края, Строгонов с подчеркиванием писал, что „здесь не было того, что начинают и у нас именовать противодействием (opposition)“, не было и следа „оппозиционных видов“³⁾, проявления которых он, однако, ранее побаивался⁴⁾. Лояльность дворянства и „верноподданническая преданность“ не позволяли смущению и может быть возмущению некоторых дворянских кругов облечься в реальные и формальные оболочки и склонили дворянство в сторону из'явления полного согласия и готовности принять активное участие в подготовительных работах по осуществлению дела освобождения крестьян.

Представляют весьма большой интерес для характеристики дворянских настроений те постановления дворянства, которые были первыми его заявлениями или первым его ответом на сообщение о рескрипте Назимову, позднее и Петербургскому генерал-губернатору. Имея перед собою лишь общую программу правительства по крестьянскому делу и не имея точных сведений об ее общеобязательности и нормативности, дворянство отдельных губерний, в том числе и Новороссийских, чувствовало свободу высказывания своих пожеланий, намерений и ожиданий, позднее несколько урезанных точными и ограничительными пунктами рескриптов об открытии местных губернских комитетов.

Лейтмотивом этих заявлений о желании учредить в губерниях Новороссийского края дворянские комитеты для предварительных работ по улучшению быта крепостных крестьян является заявле-

1) АГГ., 1857, секр., № 53, лл. 76—80.

2) АГГ., 1857, секр. 53, л. 81—84.

3) АГГ., 1858, особ. 18, л. 291 об.

4) АГГ., 1857, секр. 53, л. 27—28.

ние о необходимости считаться с местными особенностями края, далеко несходными с северо-западными или петербургской губерниями и потому трудно примиримыми с возведенными для этих двух областей принципами крестьянской реформы. Херсонское дворянство подчеркивает в своем „определении“, что Херсонская губерния еще так недавно укреплена России, и обладает рядом местных особенностей—хозяйственных, промышленных, торговых и др., почему требует предварительного разностороннего обследования для выяснения возможных мер к действительному улучшению быта местного крепостного крестьянства¹⁾. Эти же местные условия подчеркнуты как в общем постановлении таврического дворянства²⁾, так и с полной основательностью—в записках некоторых уездных собраний, обращавших особое внимание на исключительное своеобразие экономического уклада горной части Крыма, требующее специальных правил и определений³⁾.

Но сособенной настойчивостью и определенностью эта точка зрения неприменимости установленных для севера и северо-запада начал реформы в Новороссии высказывалась в Екатеринославской губернии как в постановлениях дворянства (по уездам, общего губернского собрания здесь не было), так и в докладах и рапортах губернского предводителя дворянства, которого, повидимому, следует считать в этом отношении выразителем дум и настроений известной части екатеринославского губернского дворянства. Екатеринославское дворянство было весьма озабочено, как писал губернатор гр. Сиверс, „чтобы составление правил в (будущем) комитете исполнено было без стеснения последовавшими после Высочайшего рескрипта для других губерний указаниями и чтобы самые правила соответствовали местным обстоятельствам, так как губерния эта по недавнему населению и весьма многим своим особенностям не может быть сравниваема с прочими“⁴⁾. В постановлениях по уездам эта мысль также тщательно выделяется и подчеркивается⁵⁾. Существенное различие в положении Екатеринославской и Литовских губерний настолько велико, доносил екат. губ. предв. дв. Наумов, что для помещиков Литвы может быть желательнее скорейшее освобождение крестьян, для екатеринославских же допустимо лишь медленное освобождение, „упрочивающее благоденствие нашего отечества установлением отношений рабочего класса людей к высшим сословиям на основании обоюдной приязни и материальных выгод“⁶⁾.

Таким образом Новороссийское дворянство прежде приступа к работе по составлению проекта „освобождения крестьян“ стремилось добиться некоторых изъятий из общих норм и положений, созревших уже к тому времени у высшего правительства. Не ограничиваясь выражением общих пожеланий в этом направлении, дворяне

1) АГГ., 1857, секр. 53, л. 138—141.

2) Ibid., л. 128.

3) Ibid., л. 269 и след. — печатный «свод предметов, обративших на себя внимание дворянства при уездных совещаниях».

4) АГГ., секр. 53, л. 89—90.

5) Ibid., лл. 99, 106—7, 110, 111—2, 115.

6) АГГ., 1857, секр. 53, л. 24—5; выдержка из этого доклада была приведена в записках Я. А. Соловьева. Русск. Стар. 1881, апр., стр. 747.

поспешили высказать свои основные предположения, которые по их мнению должны были лежать в основании „освобождения“. Имея перед собою общие формулы рескриптов и циркуляров М. В. Д., дворянство выдвигало в своих постановлениях как бы контр-положения, на основе которых могло бы заняться сочинением своих губернских проектов и записок.

Не приводя здесь в подробностях все предварительные заявления дворянства об его основных пожеланиях, представим краткий их обзор или сводку, для ясного представления о тех настроениях и убеждениях, которые выражены были помещиками в первые моменты после привлечения их к „реформаторской“ работе. Так херсонское дворянство выдвигало следующие вопросы:

1) Право помещиков перенести на другое место усадьбы тех крестьян, которые близостью своею или хозяйства своего стесняют собственную усадьбу помещика, право-гарантирующее „противу вторжения чрезполосности в Новороссийский край“.

2) Определение всех обязанностей крестьян к помещикам за пользование землею только на время переходного состояния, после окончания которого предоставляется место свободному соглашению или договору.

3) Желательность наделения крестьян и из земель владельцев прочих сословий, как и из земель государственных.

4) Предоставление дворянству лишь права „полицейского посредничества“ между крестьянами и правительством и права утверждения или отмены сельских общественных приговоров с освобождением от тяжких для дворянства и обременительных для поселян обязанностей „полиции исполнительной“.

5) Право дворянства закладывать земли в кредитные учреждения в половину действительной стоимости их в виду необходимости впредь строить помещичье хозяйство на началах коммерческих.

6) Желательность установления порядка немедленного освобождения крестьян от крепостной зависимости с предоставлением им возможности поселяться на землях помещиков на правах вольных, свободных хлебопашцев по свободному соглашению с владельцами.

7) Необходимость—предварительно крестьянской реформы—реформы административной¹⁾.

В этих пожеланиях Херсонского дворянства не замечается существенного противоречия с указаниями правительства в Высочайших рескриптах и министерских циркулярах. В этих заявлениях мы видим как бы стремление восполнить эти инструкции, приблизить их содержание к реальным условиям жизни и несколько конкретизировать и ограничить, может быть, их общую формулировку, кроме разве п. 1 об усадьбах, о которых в рескрипте Назимова сказано—(„крестьянам оставляется их усадебная оседлость“)²⁾ (т. е., по-видимому ныне ими занимаемая) и п. 2, где резко подчеркнута срочность пользования крестьян землею. Что касается пункта 3-го об участии и иных сословий в наделении освобождаемых из крепости крестьян, то это мысль привнесена со стороны и не находит

1) АГГ., 1857, секр. № 53, лл. 138—141.

2) Сборник правит. распор., т. I, Спб., 1861 г., стр. 2.

себе аналогии или связи в официальных актах. Возможно, что эта мысль обязана своим появлением в постановлении дворянства одному из крупнейших новороссийских и в частности херсонских помещиков графу Мих. Дм. Толстому. Он за полтора месяца до этого постановления—27 февр. 1857 г. представил гр. Строгонову особую обстоятельную записку по крестьянскому делу, где специально разбирает вопрос о выгодах политических (руссификация) и экономических (м. пр. „во избежание пролетариата—этой возмутительной стихии государственного порядка“) наделения и расселения освобожденных крестьян не только на землях дворянства, но и на землях других разрядов землевладельцев (немцев, болгар, вообще колонистов, татар в Крыму и т. п.) и решает этот вопрос в определенно утвердительном смысле¹⁾.

Обращаясь к дворянству Екатеринославской губернии мы встречаем несколько иное настроение и иные ходатайства и домогательства. В то время как херсонские помещики развивают дальше предположения и инструкции правительства, не выступая резко против них, в среде Екатеринославского дворянства мы слышим прямое и определенное стремление отклонить от него изложенные в рескриптах и циркулярах решения правительства ради усвоения выгодных для местного дворянства основных начал. Такими основными началами является, прежде всего, подтверждение и впредь общего и неотъемлемого права дворянства на все принадлежащие ему поныне земли, в том числе и отводимые в пользование временно-обязанным крестьянам. В циркулярах и рескриптах по этому вопросу установлен совершенно определенный взгляд: «помещикам сохраняется право на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа»²⁾,— понятие же усадебной оседлости толкуется как „изба или хата, в которой живет крестьянин, с двором и принадлежностями, с огородом и с землей под оными“³⁾. Против этого совершенного ухода из ведения помещика части земли—усадыбы и выступает на первых же порах своей работы по „освобождению крестьян“ екатеринославское дворянство. Опасаясь крайней черезполосности владений при выделении усадеб и ссылаясь на поселение крестьян, приобретенных без земли и устроенных на иждивении владельцев, дворяне Верхнеднепровского у. ходатайствуют „об оставлении усадеб в неприкосновенном праве собственности помещиков равно как и всей вообще земли“ с условием предоставления крестьянам права пользования усадьбами с передачей их обратно в ведение и распоряжение владельца при выселении жившего там крестьянина, и с безусловным, конечно, запрещением отчуждать их на сторону без согласия помещика, если уже будет признано—вопреки истине и справедливости—необходимым предоставить им право собственности на усадьбы⁴⁾. Рядом с этим домогательством, бывшим общим всему

¹⁾ АГГ., 1857, секр. № 53, лл. 67—72.

²⁾ Рескрипт Виленский и др., Сборник правит. распор. по устройству быта крестьян, т. 1, Спб., 1861, стр. 2, 5, 8 и сл.

³⁾ Ibid., стр. 83 и др.

⁴⁾ АГГ., 1857, секр. 53, лл. 108—109; особ. 14, л. 352.

екатеринославскому дворянству¹⁾, мы встречаем стремление установить низкий земельный надел и высокую его оплату трудом крестьян и оброками: Верхнеднепровцы настаивают на 2 десятинах на ревизскую душу с условием двухдневной (а по Ростовскому уезду— 3 дневной) работы всего семейства (Рост — и на своем иждивении), взноса третьей части продуктов и т. п.²⁾ В противоположность положительному утверждению Министерства внутренних дел о неотъемлемом праве крестьян на раз отведенный надел³⁾ дворянство интересующей нас губернии поднимало вопрос об оставлении за помещиками права обмена отведенной в пользование крестьян земли на другую по истечении известного срока ради избежания истощения земли в следствие неприменения в губернии системы удобрения⁴⁾. Вопреки прямому указанию министерства о прекращении обращения крестьян в дворовые и постепенном сокращении их числа „посредством обращения их в крестьяне с наделом землею“⁵⁾ в заявлениях екатеринославских дворян встречаем противоположное заявление о недопустимости перевода дворовых в крестьяне в виду их приученности к другим занятиям „на счет помещиков“, и для вознаграждения помещиков продолжающейся во дворе работой за приспособление и научение мастерствам и пр.⁶⁾ Наконец в противоположность основному содержанию правительственной программы „реформы“ екатеринославское дворянство ставит вопрос о выкупе личности крепостных крестьян. Эта мысль, довольно путано и сумбурно,—выражена в двух докладах губ. предв. дворянства Нечаева, очевидно и лично разделявшего подобную точку зрения. Владельцам, по мнению Нечаева, должно быть предоставлено или сохранено право на личность крестьянина; это право должно выразиться в оброке или работе крестьян сверх установленной в виде платежа за землю и усадьбу—для возмещения помещику затраченного на крестьянина капитала или процентов по штатной цене; неисправность крестьянина должна обеспечиваться ручательством всего населения, причем неисправность влечет за собою удлинение переходного периода; „безвозмездное освобождение породит вредное недоброжелательство одного состояния к другому“, „возмездие“ же помещиков из казны повлечет за собою потрясение финансов вследствие естественного при такой операции падения стоимости госуд. кредит. билетов, и т. д.⁷⁾

Приведенного совершенно достаточно для того, чтобы видеть, что при сдержанности и скромности пожеланий дворянства херсонского, екатеринославское заняло совершенно определенное оппозиционное положение, осуждая и отвергая основные принципы правительственной программы. В заявлениях таврического дворянства необходимо различать две группы: одни заявления основаны на безусловно требующих особого внимания своеобразных усло-

1) См. АГГ., 1857, секр. 53, л. 89—90; 81—84; 94—95; 116; и др.

2) Ibid., 108—109, 116; особ. 14, л. 352—3.

3) Сборник правит. распоряжений, т. I, стр. 83 и др.

4) АГГ., 1857, секр. 53, л. 94—95.

5) Сборн. прав. распор., I, стр. 83.

6) АГГ., 1857, секр. 53, л. 108—109.

7) АГГ., 1857, секр. 53, стр. 81—84, 85—6.

виях топографического и хозяйственного характера горных частей полуострова, и другие, отражающие общие воззрения дворянства и его общее отношение к предположениям правительства.

К первой группе относятся заявления помещиков Симферопольского и Ялтинского уездов, которые считали неизбежным и единственно возможным наделение всех крестьян этих уездов, фактически безземельных и работавших в садах и при домах владельцев,—вне территории уездов, а в Евпаторийском уезде—взамен вызываемых для заселения его переселенцев из внутренних губерний России или иностранцев, чем может быть достигнута и цель некоторого обрусения Крыма; наделение крестьян из садовой территории недопустимо, по соображениям местного дворянства, вследствие крайней дороговизны земли (десятина стоит тысячи), не могущей быть оплаченной крестьянами, приближающимися по фактическому положению к дворовым и подлежащими, по мысли помещиков, переводу в эту последнюю категорию¹⁾. Аналогичную мысль высказали дворяне Феодосийского уезда, отмечающие отсутствие усадеб у местного крепостного крестьянства, по занятиям равного дворовым людям, и невозможность предоставления им усадеб среди садов без решительного нарушения их целостности и хозяйственной ценности и без неминуемых—в целях охраны садов—ограничений для крест. хозяйства в смысле запрещения держать опасных для садов домашних животных, домашнюю птицу и т. д.; на основании этих соображений дворяне Феод. у. предлагали устройство усадеб при отведенной им в виде наделов земли²⁾.

Иной характер имеют заявления дворян, касающиеся не столько местных условий крестьянской жизни и хозяйства, сколько общих начал реформы. Так дворяне Евпатор. у. настаивают на признании возможности перемены раз предоставленных крестьянам усадеб и земельных наделов, причем правильность этих действий должна обеспечиваться участием депутатов заинтересованных крестьянских обществ, помещиков и соответствующих правительственных установлений³⁾. Дворяне Феодос. и Днепр. уу. поднимают вопрос о возложении на сельские общества ответственности за отбывание госуд. повинностей⁴⁾, не найдя по этому вопросу прямых указаний в правительственных разъяснениях и распоряжениях. По вопросу о дворовых, увеличение числа которых путем перевода из крестьян впредь было запрещено (см. циркуляры Мин. Вн. Дел⁵⁾ дворяне Днепр. у. высказывались за наделение их землею по мере возможности, с тем, чтобы „во дворе“ для господских работ не было требуемо более одной пятой всех крестьян—по назначению и под надзором общества⁶⁾; помещики Евпатор. у. выдвигали мысль об оплате их труда жалованием, в одной трети выдаваемым на руки, а в двух третях—зачисляемым в особый капитал⁷⁾. По-

¹⁾ АГГ., 1857, секр. 53, л. 269—70.

²⁾ Ibid., л. 273 об.

³⁾ Ibid., 273 об.

⁴⁾ Ibid., 270 об., 273 об.

⁵⁾ Сборник правит. распор., I, 85, 91 и др.

⁶⁾ АГГ., 1857, секр. 53, 273 об.

⁷⁾ Ibid., 273 об.

мимо этих общих мыслей таврические дворяне высказывали длинный ряд пожеланий о судьбе земель, невыкупленных в 12 лет и оставляемых крестьянином; о количестве земли для наделов и работ за них и т. п. Все эти мысли и соображения таврических помещиков представляют собою результат более или менее делового и сосредоточенного обдумывания местных и общих потребностей помещичьего и крестьянского хозяйства и положения и обнаруживают известную свободу от узких односторонних дворянских—землевладельческих предрассудков, хотя и построены на защите и обеспечении интересов помещичьего хозяйства, его целости и неприкосновенности.

Таковы были настроения и предположения дворянства Новороссийских губерний перед приступом к работе по выработке, детальных и обстоятельных проектов положений об улучшении быта крепостных крестьян. Известные нам хотя бы и в отрывочном виде изложенные только что сведения иллюстрируют те веяния в среде дворянства, которые предстояло членам комитетов детализировать и конкретизировать и так или иначе согласовать с правительственной программой. Не имея в настоящее время достаточных сведений о внутренней работе губернских комитетов и не считая возможным основываться для ее характеристики на отрывочных и случайных материалах, позволю себе перейти непосредственно к самым проектам, рассматривая их вместе с тем не столько ради их реального содержания, сколько ради отобразившегося в их тексте известного мировоззрения и умонаклонения.

Предварительно необходимо сделать две оговорки. Во-первых характер работы комитетов отчасти определен Высочайшими рескриптами Новороссийскому генерал-губернатору по каждой из губерний края отдельно, но тождественными по содержанию и почти во всем и по форме¹⁾ При этом в тексте рескриптов подчеркнута, как и в рескриптах по другим губерниям, единство общих принципов реформы по всей России: „приступить на основании тех же главных начал, кои указаны мною дворянству других губерний, изъявившему прежде подобное желание...²⁾ Вторая оговорка заключается в том, что правительством были даны губернским комитетам точные инструкции о порядке составления проектов положений, установлен общеобязательный план проектов, совершенно необходимый в виду предстоящей сводки всех проектов по всей России воедино, причем для каждой главы дан приблизительный конспект, так что комитетам оставалось в данные схемы, в том или другом случае расширенные и разработанные, вместить свое самостоятельное содержание³⁾ Эта особенность работы губернских комитетов затеняет порою своеобразие воззрений местного дворянства и хотя бы внешне подгоняет под один ранжир все уклоны его мысли.

¹⁾ Об открытии губ. ком. в Екатериносл. губ. — от 5 апр. 1858 г.; по Таврич. губ. от 10 мая, и по Херсонск. от 11 мая 1858 г. Подлинники рескриптов см.—АГГ., 1858, особая часть, № 39.

²⁾ Сборник правит. распоряжений, I, стр. 10, 12, 16, 18 и др.

³⁾ См. «программу занятий губ. комитетов» — 21 апр. 1857 г. Сборник правит. распоряжений, т. I, стр. 155—168.

Обращаясь к рассмотрению содержания проектов Новороссийских губернских комитетов, начнем с проекта таврического, затем перейдем к херсонскому и закончим екатеринославским¹⁾.

Таврический проект явился результатом работ как всего комитета, так в особенности особой редакционной комиссии в составе членов комитета—Делаграматика, Иваненко, Давыдова и Шатилова, причем урочное положение было выработано инженер-майором Вассалем²⁾. В среде комитета не было достигнуто совершенное согласие при работе. Последние три члена Комитета (причем Давыдов и Шатилов были представителями от правительства) шли по одному из важнейших вопросов реформы—о выкупе—в разрез с общим мнением большинства комитета, представив по этому поводу особое заявление, о чем будет речь ниже.

Необходимо сейчас же подчеркнуть заявление комитета о слабой заинтересованности местного дворянства в сохранении крепостных отношений. „Помещики охотно согласятся, писал комитет, на некоторые пожертвования, чтоб избавиться от беспокойств и неудовольствия, сопряженных с обязательным трудом“. „Здесь есть много примеров землевладельцев, писал комитет, которые, не имея крепостных людей, ведут хозяйство в огромных размерах на чисто коммерческом основании и ведут его с успехом; даже те из помещиков, которые владеют населенными имениями, уже отчасти приготовлены к системе хозяйства, основанного на вольном труде,—они и теперь для производства многих полевых работ прибегают к найму вольных работников, которые приходят толпами в здешний край из отдельных мест“... Именно возможность поставить хозяйство на широкую коммерческую ногу—благодаря близости приморских портов и легкого массового сбыта—и крайне малое число крепостных—по всей Таврической губернии лишь 20 с лишним тысяч человек—вызвала необходимость опираться не столько на невольный труд креп. крестьянина, сколько на вольный труд приходящего человека. Перевод первого в положение—по отношению к помещичьему хозяйству—аналогичное второму и по заработку и по работе—не встречается, поэтому, особых возражений и споров со стороны дворянства. „Помещик и крестьянин, заявляет комитет, поставлены в равной зависимости один от другого“, причем „собственная польза заставит каждого помещика стараться удержать крестьян, живущих в его имении, предоставлением им возможных льгот“ ради возможности всегда без затруднений иметь работников, с другой же стороны крестьяне, имея возможность заработать здесь же „под рукой“, не станут искать своего благосостояния где либо вне своих жилищ.

Эти общие соображения, высказанные таврическим комитетом в объяснительной записки к его проекту, могут обяснить основное его содержание. Оставляя в стороне ту главу проекта, где идет речь о личных правах освобожденных со званием временно-обязанных крестьян, ибо в этом вопросе трудно было быть сколько-нибудь оригинальным, а таврический комитет ограничился лишь несколь-

¹⁾ Печатные экземпляры этих проектов со всеми приложениями и отзывами о них см.: Таврич.—АГГ., 1858, особ. 18; Херсонск.—АГГ., 1858, особ. № 17 и Одесская Публ. библ. отд. III, 1387 (не полн. экз.); Екатеринославский—АГГ., 1858, особ. ч. № 14.

²⁾ АГГ., 1858, особ. часть., № 18, лл. 116, 154.

кими малозначительными общими замечаниями, остановим внимание на тех статьях, которые определяют будущее хозяйственное и экономическое положение крестьян. Будущее это может быть двояко — будущее вообще, вся последующая жизнь и деятельность, и будущее в узком смысле — в пределах того переходного времени, которое признается необходимым для постепенного перестроя всех хозяйственных и имущественных отношений землевладельцев и земледельцев. Таврические, да и вообще большинство новороссийских дворян, повидимому, были более заняты этим узким будущим, нежели вообще всем устройством крестьян, как это будет видно из дальнейшего.

Освобожденный от личной крепости к помещику крестьянин получает из земли владельца усадьбу величиной до 840 кв. сажень, которую он обязан выкупить по оценке земли и строений особо в течение 12-летнего переходного времени, усвоенного комитетом из программы правительственной, где отмечена максимальная длительность этого переходного состояния в 12 л.; тавр. дворяне считали, что по местным условиям срок этот мог быть гораздо более коротким, но сохранили этот официальный срок. Усадьбы эти могут быть даны крестьянам не на месте их настоящего жительства, а по соглашению между помещиком и крестьянами и могут быть перенесены и позже с места их первоначального отмежевания (ст. 47—50). Помимо усадеб, подлежащих обязательному выкупу и после его полного покрытия выходящих из поземельной собственности помещиков, крестьяне получают в пользование известного размера земельный надел, неподлежащий выкупу (3 дес. на наличную мужск. душу в среднеземельных имениях, в 5 дес. в многоземельных, а в малоземельных надела не полагается) (52), причем этот надел поступает в распоряжение крестьянина с правом передачи его члену того же сельского общества (64), но с ограничением права хозяйственной эксплуатации его — разрешение помещика на прочие здания и для посадки деревьев, запрещение засеивать более 2 дес. на ревизскую м. душу в год, ограничение рогатого скота — не более 1 штуки на 1½ дес. и т. п. (67, 68, 69 и 70).

Освобожденные от личной опеки помещика, крестьяне лично и непосредственно отбывают государственные повинности за ответственностью сельских обществ (75 и сл.); причем, что очень характерно, поземельный налог за все земли, наделенные помещиками в пользование крестьян, уплачиваются помещиками, кроме податей за усадьбы (80). За пользование землею помещика крестьянин платит ему деньгами или поденной работой (87). Размер этой повинности определяется общий для всей губернии — в 60 дней пешей мужской работы с участка на ревизскую душу или соответствующее по расчету число дней с волами и т. п. (90—91); переводя на деньги — за каждый душевой надел надлежит платить по 15 рублей (94). Надзор и ответственность за выполнение работ возлагается на сельское общество, к которому помещик обращается с запросом и предложением о предстоящем наряде (103—105). При определении размера повинностей за землю комитет исходил от доходности земли, считая количество и стоимость произрастающего.

Крестьяне, обученные ремеслам, занимающие хозяйственные должности по имению или состоящие в домашней прислуге, — на-

деляются землею на общем основании, но продолжают за особое вознаграждение (116) службу помещику в течение 3 лет, когда не могут быть обществом уволены или отпущены для переселения (112—113) и когда все повинности казенные за них уплачивает помещик (114). Дворовые, т. е. безземельные, люди получают по положению личную свободу со всеми правами срочно-обязанного крестьянина и в течение шести лет обязаны продолжать службу помещику и тому лицу, которому имение может быть продано (121, 122, 125), получая за службу определенное содержание и жалование (не менее 5—20 р. в год в зависимости от пола и возраста) (127—128). Неполучение жалования в течение года дает право дворовому перейти в другое состояние (132). В известных, предусмотренных положением, случаях дворовый получает земельный надел (134—135). Через шесть лет дворовый получает полную свободу самоопределения.

Считая, что „вековая связь между помещиками и крестьянами не может и не должна быть вдруг разорвана, но она принимает другую форму, более сообразную с законами справедливости и современными понятиями“, и основываясь на правительственной программе, таврический комитет намечает соотношение между крестьянами и дворянами в таком виде: помещик является начальником сельского общества с правами руководства, утверждения или неутверждения постановлений или действий сельской администрации, защиты и ходатайства за крестьян перед земской полицией и высшей властью и т. п. При этом помещик имеет перед собою только общество и должностных его лиц, на которых лежит ответственность за казенные платежи, повинности и т. д. „Помещик теряет власть понудительную—власть грозящую и карающую, но удерживает за собою значение покровителя, советника и руководителя крестьян; их взаимное благосостояние тесно связано между собою, их интересы только по видимому противоположны. Это вопрос о капитале и труде, который в других видах и с различными изменениями занимает умы целой Европы, и который может быть разрешен удовлетворительно только в том случае, когда будут признаны права того и другого.“

В той же связи, говоря об общественном устройстве крестьянства губернский комитет поднял вопрос об организации суда. Наметив суд в первой инстанции—суд крестьянский и признав необходимым существование по уездам особых коронных „мирных судей“ по назначению высшей власти, губернский комитет в заключение своей работы высказал определенно, что считает свой труд напрасным и неоконченным в случае отказа правительства от основной реформы судебного дела в смысле отнятия от земской полиции всяких судебных и следственных функций с оставлением у нее лишь полицейских и исполнительных и в смысле преобразования уездного суда „на началах гласного и словесного судопроизводства в делах гражданских и суда присяжных в делах уголовных, с теми изменениями в высших инстанциях, которые при новом порядке судопроизводства окажутся необходимыми“.

Последнюю мысль мы привели здесь, хотя она и не имеет непосредственного отношения к крестьянскому вопросу, для того,

чтобы показать известную широту общих взглядов таврического губернского комитета и свободу от узких охранительных рамок.

Возвращаясь к вопросам экономического характера, мы видим, что таврический комитет рисовал себе следующую последовательность событий: с момента введения в жизнь проектированного им положения б. крепостной крестьянин имеет в своем распоряжении (хотя и несколько ограниченном) усадьбную оседлость, которая сейчас же—в случае уплаты полного выкупа—или через известное число лет при постепенном покрытии ее стоимости, становится его собственностью. В течение этого же количества лет в его пользовании находится земельный надел, повинности за который не покрывают и не выкупают его в собственность крестьянина. После окончания 12-летнего срока этот последний остается со своей усадьбой без какого-либо обязательного земельного надела, для получения коего ему надлежит, очевидно, заключать—ныне уже свободное, законом заранее не регулируемое—соглашение с землевладельцем. Следовательно, таврический комитет так или иначе обеспечивает экономическое положение крестьян на ближайшие 12 лет переходного времени; не устанавливая раз навсегда характера связи их с землею. Этой точки зрения большинства комитета не разделяли названные выше три его члена, особое мнение которых представляет известный интерес. Считая, что необходимо найти окончательное решение вопроса об отношениях между крестьянами и помещиками для избежания впредь неудобств и для тех и для других, Шатилов, Давыдов и Вассаль выдвинули мысль о праве крестьян на выкуп земельного надела, отводимого ими ныне при освобождении. Они считали предоставление крестьянам и после переходного периода обязанности пользоваться наделом—ограничением прав собственности помещика на всю землю и созданием вечно-обязанных отношений вместо срочно-обязанных, и находили с другой стороны недопустимым оставлять впредь открытым вопрос о поземельных отношениях крестьян и землевладельцев и предоставлять улаживать их по соглашению в виду возможности проявления „пристрастия“ и „чрезмерных требований“ „притязательного помещика“. По сему они рекомендовали—не делая этого обязательным—предоставить крестьянам право в случае их желания выкупить надел, „буде добровольного соглашения на дальнейшее пользование“ со стороны помещика не последует; о желании выкупа об- является не далее как через год после окончания переходного периода и выкуп производится за 15 р. сер. за каждый душевой участок, при чем выкупать может или отдельное лицо или же все общество. Таврический комитет в своем большинстве признал поднятый тремя членами вопрос преждевременным в виду отсутствия достаточных данных, в виду необходимости для осуществления выкупа огромной финансовой операции, „возможность которой не совершенно ясна для членов комитета“ и в виду невыясненности воззрений по этому вопросу самих крестьян,—доводы, которые таврический губернатор Г. В. Жуковский признал совершенно несерьезными, отмечая необязательность выкупа, в силу чего крестьяне имеют возможность выбрать более для них выгодное, финансовой операции ожидать не приходится при малой плате за землю, иных же данных не требуется для принятия предположения, „вполне

упрочивающего их будущее благосостояние и необходимого для прекращения зависимости от помещика в пользовании землею*.

Таврический гражданский губернатор Г. В. Жуковский, которого Я. А. Соловьев в своих записках называет в весьма немногочисленной группе администраторов, сочувствовавших делу реформы¹⁾, признал, что за ним повторил и гр. Строгонов, „положение губернского комитета“ вообще „весьма удовлетворительным“, а положение об усадебном устройстве отличным. Его замечания и поправки вызвали лишь некоторые статьи и при этом не касавшиеся основных вопросов, кроме, конечно, выкупного. Одобряя размер надела, усадьбы, устройство управления и т. п. Жуковский нашел недостаточным содержание и обмундирование дворовых, разверстку и отчасти размер повинностей и т. д. Наиболее любопытно из его замечаний указание на невозможность заявления о сохранении помещиком навсегда прав собственности на землю, отводимую крестьянам в надел в виду возможного ее выкупа крестьянами.

Впечатление Жуковского в сущности правильны. В проекте Таврич. губ. комитета мы видим более или менее непристрастное стремление определить обстановку и формы свободной жизни освобожденных крестьян, благоприятные для их последующей деятельности. И только земельная заинтересованность не позволяет дворянству обеспечить в полном размере и широкой перспективе полное экономическое благосостояние крестьянства. Без колебаний и сожаления, может быть, отказываясь от крепостного труда, дворянство таврическое стремилось оберечь свои землевладельческие права.

Херсонский губернский комитет в своих планах устройства и улучшения быта крепостных крестьян стоял еще более на страже землевладельческих интересов²⁾. „Право собственности, не завися ни от времени, ни от места, не может быть безусловно и в целой массе принесено в жертву каким бы то ни было интересам и стремлениям. Оно живет под сенью государственной власти и само служит залогом спокойствия государства“. Только при твердом сохранении этого положения может быть произведено „полное отчуждение частей поземельной собственности в видах государственной пользы, без принесения в жертву общественной несправедливости (sic!) интересов тысячи собственников, ближайших охранителей повсюду и во все времена власти и порядка“. „Если справедливо, писал комитет, что крестьяне орошали потом своим нашу землю, то несомненно и то, что помещики Новороссийского края купили ее, или кровью своих предков или на вес звонкой монеты, обогатившей государственную казну“!

Эти общие заявления Комитета объясняют, почему в его проекте мы встречаем подчеркивание сохранения за помещиком права полной неприкосновенной (включая право эксплуатации, застройки, распоряжений и т. п.) собственности на всю землю их (без данной крестьянам для усадеб) (п. 22—30), с ограничением лишь на пере-

¹⁾ Русская Старина, 1882, IV стр. 137.

²⁾ Проект положения составлен особой редак. комиссией, в которую входили: О. Чижевич, Н. Я. Эрдели, Д. П. Ревуцкий, Г. В. Кузьменко. См. О. Ч-ча (—О. Чижевича) —Тираспольские помещики тридцать лет назад. Одесса, 1890, стр. 1, прим.

ходный восьмилетний период в виду выделения из земли наделов во временное пользование крестьян (п. 23). Любопытно, что эта формулировка большинства комитета встретила решительные возражения со стороны одного из членов Д. Байдака, ополчившагося против указанного только что § 23. По его мнению и на землю, предоставленную в пользование крестьянам, должно остаться такое же полное право собственности и распоряжения, как на остальную часть имения. „Помещичьи имения, писал Байдак, до этого времени состояли из двух частей: из крестьян и земли“. Отказ от крепостного права и есть отказ от прав на личность крестьян, каковое право „должно быть вычеркнуто из свода Законов, как нечто минувшее, и перейти теперь в архив Истории Права“. Но „земля— другое дело!“ В Высочайших рескриптах нигде не высказана мысль о вечном наделении крестьян землею, почему очевидно надел им должен быть дан лишь на время переходного состояния. Подчеркивая новшество в циркулярах Министра Внутренних Дел о непременном оставлении раз отведенной земли в постоянном распоряжении мира и пользовании крестьян, Байдак требует руководиться лишь Высочайшими указаниями, а не этими министерскими разъяснениями, совершенно не сходными „с правами нашими и общими в государстве, без различия сословий, на землю“, и оговорить неограниченное право помещиков на всю землю со срочным, временным выделением из нее наделов.

При решении вопроса об усадебном устройстве крестьян, комитет особенно сосредоточенно разбирает порядок выкупа и данные для оценки усадьбы. Для имеющих ныне усадьбы предоставляется сохранять право на них, хотя в среднем они и значительно меньше вновь наделяемых: в среднем 400 кв. саж., впредь же предполагается отрезать по 840 сажень. Оценка усадьбы по проекту херсонского комитета является результатом соединения стоимости избы и стоимости земли, причем эти цифры меняются в зависимости от местоположения усадьбы—под городом, в торговых местечках, близость к прудам—водою и т. п., близость к судоходным рекам и др., и от способа ее использования (огород, сад, застроенное место и т. п.). Исходной для последующих вариантов по отмеченным признакам является следующая оценка: избы каменные 35—100 р. сер.; избы камышевые—30—80 р.; землянки—10—30 р.; сажень кв. земли под строением 10 коп. сер.; огородная—30 коп., как и земля под плодовыми и лесными деревьями.

Такая оценка усадеб не была единогласным решением комитета. Двое из членов его Д. Лорер и Ревуцкий придерживались иного взгляда по этому вопросу. Никогда ранее, по их словам, не встречалось надобности для владельцев или покупателей в особой оценке усадеб, которые считались необходимой принадлежностью оседлости. С другой стороны усадьбы не могут быть оцениваемы по их доходности, ибо никакого дохода и прибылей они не приносят. Оценка усадеб, даваемая самими дворянами, весьма произвольна; по проверке Ревуцким из 32 помещиков 16 оценивают десятину от 50 до 70 рублей, 5—80—100; 8—100—150 р. и др.; по сравнению с этими весьма высокими цифрами цифры „положения“ являются несообразными (240 или 720 рублей десятина!), почему Лорер и Ревуцкий предлагают установить для земли под домами,

дворами и огородами — оценку не выше 5 коп. кв. сажень, и для огорода высшего достоинства не б. 15 коп. сажень с предоставлением частных изъятий из этой оценки.

Заботясь о возможно большем выкупе за лишение части усадебной территории, губернский комитет тем более был на страже владельческих интересов при решении вопроса о земельном наделе. Исходил комитет при этом, по его об'яснению, от очень гуманной и дельной мысли о трудностях для крестьянина отбывать повинности при более или менее значительном наделе. „Стеснять свободный труд срочно-обязанного, наделяя его большим количеством земли для пользования и следовательно по справедливости требуя от него взамен более повинностей обязательных, не значило бы улучшить его быт, а только в сущности изменить название крепостного на срочно-обязанного“. „Тогда только действительно улучшится быт крестьянина, и право дарованной ему личной свободы сделается плодотворным, когда крестьянин будет сознавать, что он полноправен располагать как временем, так и родом своих занятий“. „Помещики Херсонской губернии, писал комитет, имели случай, так сказать, подслушать ту мысль, какую имеет народ, быт которого должно улучшить: мысль эта есть всеобщее стремление к свободному труду“. Комитет и постарался „оставить крестьянину столько свободного труда, чтобы он мог входить в добровольные соглашения или с помещиком или с кем другим“. В сущности подобные рассуждения должны были бы привести к выводу о желательности безземельного освобождения крестьян, когда бы для проявления и применения „свободного труда“ не было бы никаких затруднений и преград. Однако комитет не соблазнился этой мыслью и остановился на наделе в размере 2 дес. на рев. душу, с отступлениями от этого размера в зависимости от качества почвы и промысловых выгод местности (подгородные и др.), определяемых помещиком. Это последнее правило вызвало возражение Лорера и Ревуцкого, предлагавших точное разграничение местностей по хлебородности заранее (по густоте населения или др. признаку) во избежание злоупотреблений и произвольности действий помещика.

Повинности за земельный надел крестьяне отбывают работой по детальному расчету тягол или деньгами в сумме 12 рублей за надел (при плате за десятину от 4 до 6 р. 85 к.), что основано на данных о среднем урожае хлебов и сена и стоимости работ, на цифрах последних арендных договоров и покупок и т. п. Уплата повинностей этих продолжается весь переходный период, т. е. 8 лет, как установил Херсонский Комитет. Этот срок был принят двумя третями членов против одной, настаивавшей на более коротком периоде — в 4 года. Ход мыслей этой трети в составе О. Чижевича, Мазаракия, Бредихина, Кузьменко и Унтилова сводится к следующему.

В целях окончательного улучшения и упрочения быта крестьян необходимо возможно скорее предоставить им свободу от обязательного труда и оградить от возможных „злоупотреблений влияния помещиков“. Пример десятинщиков, „коих быт — один из лучших между земледельческим сословием“, убеждает в полной возможности такого короткого переходного периода к полной свободе деятельности б. крепостных. Большие земельные запасы гу-

бернии дадут им возможность приложить свой свободный труд, каковой давно желателен помещикам, издавна стесняющимся своими крепостными правами при наличности свободных работников из колонистов, мещан и т. п., перед которыми отступали крепостные, „из одного предубеждения исполнявшие свои обязанности лениво, неохотно, а при малейшей возможности даже в ущерб владельцу“. Большинство, однако, не согласилось с этими доводами, проявив уже ранее известное понимание потребностей дела принятием 8-летнего срока при возможности определить его в 12-ть. Наличие в губернии уездов с господством земледелия, для которого нужны местные работники, невозможность возместить спешными мерами утрату „капитала трехдневного труда“ крепостных, возможность выкупа именно в более длинный период, опасение вообще вредных последствий быстрых мер, а ведь „будущее никому неизвестно“—таковы основания для сохранения восьмилетнего переходного периода. Этот же срок назначен комитетом и для службы дворовых с положением им определенного жалования и содержания.

Таково важнейшее содержание касающихся земельных отношений частей проекта положения, выработанного херсонским губернским комитетом. Этот проект совершенно определенно обнаруживает с одной стороны стремление дворянства обеспечить неприкосновенность и нерасторжимость своих земельных владений, а с другой заботы о том, чтобы крестьяне, если уже суждено, отчасти и согласно желанию самих землевладельцев, прекратиться прежним обязанным отношениям, ушли от помещиков с наибольшею выгодой для последних, оплатив едва-ли не с избытком усадьбы, получаемые ими в полную собственность. После окончания переходного восьмилетнего периода, крестьяне перестают быть обязательными с'емщиками помещичьей земли и остаются без обязательного надела, который присоединяется к основному земельному фонду землевладельца на полном и ничем уже неограниченном праве собственности.

Современный критик в лице херсонского гражданского губернатора Канатова в проекте комитета усмотрел еще больше характерных для местного дворянства черт. В своем обстоятельном и весьма вдумчивом отзыве о проекте он не пропустил ни одной детали без серьезного обдумывания и разбора и дал весьма важную оценку всех построений и соображений комитета. Наиболее интереса представляют замечания по основным вопросам момента об усадьбах, земельном наделе, повинностях за них и т. п.

По первому вопросу Канатов признал цены изб слишком высокими в виду дешевизны материала (за исключением леса) и работы самих же крестьян и нашел возможным уменьшить на 20%, кроме цен землянок, что все же было признано высоким со стороны ген.-губ. Строгонова, находившего достаточной треть предлагаемой комитетом суммы. Цена усадебной земли, по мнению Канатова, чрезвычайно дорога. Предположение об извлечении крестьянами из этой земли значительных выгод, напр. при огородничестве, разбивается о ничтожный размер усадьбы в 400 кв. саж. с жильем, двором и т. п., почему цифра выкупа должна быть изменена, соответственно мнению Лорера—Ревуцкого (5—15 коп. кв. сажень), что ген.-губ. Строгонову все же казалось высоким, он

666882

предлагал $-4\frac{1}{4}$ — $8\frac{1}{2}$ коп., т. е. 102—204 р. кв. десятина. Попутно с этим расчетом Канатов шаг за шагом разбивает комитетские постановления о праве помещиков переводить усадьбы от воды или от помещичьего дома на расстояние более 50 саженей, о праве преимущественного выкупа продаваемых усадеб и др.

Обращаясь к вопросу о наделе, Канатов ополчается против того толкования прав помещиков на территорию надела, которое так, но в другом отношении, неудовлетворяло помещ. Байдака. Комитет, пишет Канатов, „надел крестьян пахотной землей сделал обязательным для помещиков только на время переходного состояния, вероятно для того только, чтобы дать им возможность выкупить свои усадьбы и право на личный труд их, как будто с прекращением этого состояния обеспечение быта крестьян не составляет главной задачи“... Считая подобную мысль противоречащей правительственным разъяснением, Канатов предлагает исключить из всех параграфов проекта упоминание о временном и переходном моменте в деле предоставления крестьянам пахотной земли. Размер надела Канатов считает также недостаточным, отвергая все предпосылки комитета. Человеколюбивая забота об устранении трудностей по отбыванию повинностей за землю Канатову подсказывает иное, чем комитету, решение: вместо малого надела с большими повинностями—большой надел с умеренными повинностями. Для определения последних стоит обратиться к прочным официальным и научным данным вместо сообщений самих же помещиков, совершенно произвольных и гадательных, последовательное использование которых может привести к установлению цен, значительно выше действительных. Забота о свободном самоопределении труда встречает возражение в том, что этот свободный труд в Херсонской губернии может быть применен именно только к земледелию, в виду отсутствия фабрик и т. п., почему остаток труда от обработки своего малого надела должен быть обращен, очевидно, на землю самого же помещика. „Из всего этого следует, писал Канатов, что устраивая быт крестьян в новом их положении, не следует слишком рассчитывать на свободный труд их как на средство обеспечения быта, а гораздо основательнее обеспечить благосостояние крестьян достаточным наделом земли“ для 4-польного хозяйства при скотоводстве. Размер надела, предлагаемый Канатовым, таков: для хлебородных уездов (северных)—4 дес. на рев. душу; для остальных (южных)—5 дес., для подгородных—3 дес. кроме Елисаветграда, где 2 дес.

В соответствии с изложенными только что рассуждениями о наделе Канатов решает и вопрос о повинностях помещику. Комитет исходил при определении их размера от сообщенных дворянами и собранных от помещиков же данных о доходности земли, стоимости ее, о средних ценах на хлеб и т. п., каковой источник Канатов совершенно основательно признал односторонним, исключительно шатким, содержащим натяжки и выгодные для помещиков преувеличения и не нашел возможным им „давать значение фактов“. Приравнивая положение крестьянина с наделом к положению „наемщика земли“, обязанного за пользование ею платить известную сумму сообразно стоимости и доходности земли, Канатов совершенно отвергает цифры, данные комитетом. Комитет утверждает, что

средний доход с десятины равен 9 р. 33 коп., что должно было бы дать стоимость десятины (по расчету дохода в десять лет) в 93 р. между тем как средняя продажная цена десятины в губернии 25 р., почему доход с десятины в год следует считать равным 2 р., т. е. 8% на капитал. Варируя эту цифру по местным хозяйственным условиям, Канатов дает ряд цифр—от 1 р. 60 к. до 4 р. за десятину, но никак не дороже. Что же касается работы за надел, то взамен предложенной комитетом совершенно неупотребительной и неизвестной в губернии сложной системы Канатов предлагает установить, чтобы крестьяне обрабатывали на помещика участок, равный отведенному им.

Дворовые люди, по положению комитета, в течение переходного периода продолжают прежнюю свою службу с оплатой ее жалованием (мужч. не менее 8 р., ж.—4 р.) и содержанием, детально регламентированным в проекте, или же освобождаются от нее при выплате известной суммы в размере: обученные ремеслам мужчины—300 р., женщ.—150 р., необученные мужч. 120 р., ж.—60 р. Надел же получают или могут получать дворовые лишь по желанию помещика за исключением должностных при хозяйстве, приравниваемых к срочно-обязанным в правах и земельном обеспечении (ст. 167, 185, 192). „С первого взгляда, писал комитет о размере жалования и содержания дворовых, жалование это кажется незначительным“, но „при таком содержании, на которое поставлены дворовые, и тех обязанностях, которые приняли за них на себя помещики“ (уплата недоим. повинностей, содержание скота домашнего)—„обязательный труд дворовых обходится им почти не менее вольнонаемного. Такой недостаток рабочих рук в херсонской губернии оправдывает эту не экономическую меру—удержание дворовых на переходное время в срочно-обязанной службе“.

В этом плане бросается в глаза прежде всего отказ помещиков от предоставления в общем порядке, а не по усмотрению владельца—надела дворовому. При многоземельности херсонской губернии, указывал Канатов, это не было бы стеснительно для помещиков, если иметь еще в виду, что обученные ремеслам и не привыкшие к земледелию едва-ли будут претендовать на землю, а вместе с тем, крайне необходимо для обеспечения жизни и благосостояния желающих из дворовых после окончания переходного периода. С другой стороны сумма выкупа, предлагаемая Комитетом, представляется Канатову слишком большой и доступной лишь для весьма немногих дворовых. Канатов предлагает уменьшить цифры на одну треть:—обученные—200 р., ж.—100 р.; необучен.—75—50 р. Вместе с тем Канатов удивляется низким ставкам жалования и содержания дворовых, назначая со своей стороны—мужч. совершеннолетним—не менее 30 р. в год, женщ.—20 р. „Подобное жалование, по моему мнению, говорит он, будет иметь два полезных последствия: честных и трезвых дворовых побудит к бережливости и к скопленю хотя маленького капитала, а помещиков—к сокращению многочисленной, праздно и бесполезной прислуги“.

Оставаясь на переходный период тесно связанными с помещиком в отношении землевладения и хозяйства вообще, срочно-обязанные крестьяне не освобождались совершенно и от административных связей с владельцами. Последние, по проекту комитета,

по званию начальников сельского общества исполняют функции вотчинной полиции и регулируют местную сельскую жизнь, карают за проступки, утверждают приговоры, наблюдают за уплатой казенных повинностей, не отвечая за исполнение и т. п. Вместе с тем и самое положение о крестьянах приводится в жизнь, по плану комитета, при одностороннем участии помещика в составлении необходимых актов, описей, представлении доказательств оценок и т. п., и оставляя крестьянам лишь „страдательную роль“, как писал Канатов, предвидевший при таком порядке выполнения „освобождения крестьян“ серьезные затруднения, для предотвращения которых необходимо призвать и крестьян к действительному и равноправному участию в этом деле.

Мы останавливались на последних страницах с таким вниманием на замечания Канатова не столько, конечно, ради его поправок и воззрений, о чем надо будет речь вести в ином месте, но ради более рельефного изображения воззрений и пожеланий херсонского дворянства. Право на землю и неприкосновенность земельных владений является основой их убеждений, почему мысль об освобождении крестьян они стремятся осуществить так, чтобы их землевладельческие прерогативы никак не были затронуты и чтобы из их ведения и распоряжения могла быть выделена лишь неизбежная малая доля в форме усадебной крестьянской оседлости. Вместе с тем, отрекаясь от права на личность крестьян и на подневольный их труд, дворяне херсонской губернии были озабочены извлечением возможно больших выгод из самого процесса ликвидации крепостных отношений путем назначения высоких повинностей, высоких цен за выкуп земли и дворовых и т. п. Говоря о коммерческом ведении хозяйства, требующем вольного труда, помещики херсонские с невольным трудом расставались с соблюдением своих владельческих интересов, не исходя из каких либо общих социально-экономических или социально-политических соображений или идеалов, но заботясь об избежании „потрясения хозяйства в поземельной собственности владельца“.

Аналогичные замечания можно сделать и после ознакомления с проектом Екатеринославского губернского комитета. При его чтении необходимо иметь в виду, что этот проект не был выражением воззрений и пожеланий всего личного состава Комитета. Помимо разногласий в среде комитета по отдельным вопросам и помимо решения многих вопросов по большинству голосов с меньшинством в четверть—треть всех присутствовавших¹⁾, любопытен факт, что губернский предводитель дворянства Нечаев, под председательством которого обычно заседал Комитет, остался при особом мнении по всему проекту положения в целом. Заявляя при принятии целого ряда статей свое несогласие с постановлением большинства, которое он обвинял в игнорировании его представлений и предложений, Нечаев в конце концов условно подписал проект, оговорив общее свое несогласие с его направлением²⁾. Припоминая его заявления о необходимости выкупа личности крестьянина (см. выше), нам нетрудно представить себе направление его мыслей. Проект

¹⁾ См. АГГ., 1858, особ. 14, лл. 220—3, 245—50 и др.

²⁾ Ibid., лл. 222, 223, 246, 248, особенно—249 об.; 255 об.—256, 257, 226—7 и др.

комитета ему казался слишком либеральным и приносившим в жертву каким-то принципам интересы и права дворянского сословия. Не имея в руках подлинного его заявления по этому поводу, заключаем об этом по намекам в других его записках и рапортах. Его главная мысль заключалась в желании при прекращении крепостного права, „не нарушить ныне существующего устройства в помещичьих имениях и следовательно сохранить помещичьи хозяйства в настоящих их размерах“, что могло быть достигнуто „условно—в отношении крестьян—обеспечением их оседлости и наделом земли в пользование и в отношении помещиков—ненарушимым сохранением их хозяйственных заведений, составляющих Государственное богатство“; в отступлении от этих положений, повидимому, и обвинял Нечаев большинство комитета, бросая ему косвенно упрек и в том, что оно выработало положение „под влиянием и с принятием во внимание сведений о постановлениях комитетов других губерний, совершенно несходных между собой по местным обстоятельствам и обычаям, и допускающее произвол в соглашениях или несоглашениях той или другой стороны и непрерывное вмешательство местных уездных присутствий“ и т. д. ¹⁾ Конкретно несогласие Нечаева с большинством комитета заключалось между прочим „в убеждении, что для обеспечения быта крестьян достаточно в Екатеринославской губернии двухдесятинного на душу надела земли“ вместо предположенного в проекте ²⁾.

Необходимо заметить, что Нечаев, повидимому, не был единственным в среде екатеринославского дворянства прямолинейным сторонником возможно более полного и ревностного обеспечения помещичьих владений от возможных невыгодных последствий крестьянской реформы. Гораздо правее его стоял новомосковский уездный предводитель дворянства генерал-майор Н. Герсеванов, который немного позднее отправил кн. В. А. Долгорукому (начальнику 3-го отделения) несколько тетрадей своих замечаний на протоколы редакционных комиссий, усмотрев из них, что „действия комиссий клонятся к ущербу священных прав самодержавной власти“ и что решения ее „будут иметь следствием всеобщую пугачевщину“, поскольку „дух преобразований во многих докладах (в Комиссии) есть чистый социализм, который проповедывал Прудон, Луи-Блан и их последователи“. „Принимая социализм, рожденной в революционной Франции, за начало всех преобразований“ (т. е. нарушая „один из главных элементов государственного организма“— „неприкосновенность права собственности“),—„Комиссия вносит в русское законодательство другой не менее враждебный самодержавию элемент—self government“—„действительное и полное самоуправление общественное“ ³⁾.

Итак, губернский комитет екатеринославской губернии представляется—по словам Нечаева—как бы слишком пренебрегающим

¹⁾ АГГ, 1858, особ. 14, л. 226—7.

²⁾ Ibid, л. 255 об.—256, 300 об.

³⁾ АГГ., 1858, особ. 14, лл. 381—401—замечания Н. Герсеванова. См. также в анонимно изданной Герсевановым брошюре: „О социализме редакционных Комиссий. Письма к председателю их генералу Ростовцеву, помещика Е. губернии“. Берлин, 1860 (Од. Публ. Вибл., III, 2894).

интересами дворянства и излишне либеральным. Обращаясь к подлинному тексту екатеринославского проекта, мы однако встречаем нечто иное и во всяком случае не принесение в жертву крепостному крестьянству экономических и хозяйственных интересов помещиков.

Оставляя в стороне первые главы проекта общего содержания, остановимся на вопросе об усадебной оседлости. Размер ее комитет определяет в 600 кв. саж. и не менее с оговоркой, „если она до введения сего положения в действие не была менее“ (§ 38). Комитет представляет две возможности в пользовании усадьбами — „потомственно на время срочно-обязанного положения“ или же путем выкупа или „покупкою“ в собственность (39), но обязательно всем обществом сразу (52). Цены земли, занимаемой усадьбой, причем при оценке целого селения считаются и улицы, площади и т. д. (45), определяются в зависимости от условий местности в размере — от 10 до 20 коп. сер. за кв. сажень (43), причем избы (другие постройки не оцениваются) оцениваются особо — по качествам — от 30 до 90 р. (44); оценку эту производит сам помещик с правом крестьян оспаривать отнесение земли и избы к тому или другому разряду (47), при этом окончательное решение принадлежит губернскому комитету, т. е. помещикам губернии (48—9). Екатеринославский губернатор гр. Сиверс, а за ним и Строгонов признали эти предположения комитета не отвечающими действительным условиям губернии. С одной стороны Строгонов обращал внимание на установленное еще ранее (1857, 439 ст. XII т.) общее правило о размере усадьбы в 840 кв. с. и не менее, с оставлением у крестьян имеющегося излишка ¹⁾, с другой стороны и Строгонов и Сиверс возражали против приведенных выше цен. Средняя продажная цена в губернии за 1854—59 гг. — заселен. 17 р. 70 к., незасел. 14 р. 64½ к. дес., комитет же назначает за десятину от 240 до 480 р. под усадьбу, исходя от известной ему оценки засел. десятины в 51 р., незас. в 49 р.; Строгонов предлагает уменьшить до 102—204, т. е. по 4½—8½ коп. саж. кв., находя это совершенно справедливым вознаграждением (л. 297). Что касается изб, то оба представителя администрации находят их чрезвычайно высокими, причем Строгонов предлагает 20—60 р. с желательностью исключения площадей и т. д. от оплаты. Сиверс же настаивает на оценке изб по особенностям каждой, не уравнивая их цену по районам и местностям (л. 252—3).

Земельный надел на время срочно-обязанного периода (73) намечается комитетом в зависимости от количества земли у владельца — от 2 дес. (Ростовский у.) — до 3 дес. на душу (86) с уменьшением до 1—1½ дес. в особо малоземельных имениях (85, 87), причем в последнем случае помещик обязан для крестьян отвести ¹⁾/₉ всех своих земель (90). За пользование этой землей крестьяне отбывают повинности помещику по детально разработанному урочному положению. В первые четыре года срочно-обязанного положения они обязаны работать по 2 дня в неделю, т. е. 104 дня в год, вторые четыре года — 1½ дня в неделю, т. е. 75 дней, последние годы — платят ренту в 10% с оценки земель, т. е. по уездам от 4 р. 50 коп. до 8 руб. с десятины (142) с круговой ответственностью общества

¹⁾ АГГ. 1858, особ. 14, 296 об.

и сельских должностных лиц за послабление крестьянам (168 и след., 183—4). Величина натур. повинностей назначена комитетом в опасении лишения помещиков земледельческого труда в виду крайней трудности или порой невозможности для екатеринославской губернии обеспечить помещичьи имения постоянным и достаточным числом вольнонаемных; комитет решился обычную трехдневную барщинную работу сократить сразу лишь на $\frac{1}{3}$, дабы не расстроить налаженное хозяйство (л. 347).

Граф Сиверс признал надел в общем удовлетворительным, поскольку он не уменьшал ныне существующего, за исключением одного уезда, где надел в $3\frac{3}{4}$ дес. выше проектированного комитетом (л. 253—4), с чем в общем согласился и Строгонов (298 об.). Однако одним из екатеринославских помещиков генерал-майором В. А. Скалоном было выражено сомнение в достаточности такого надела, плата за который, признаваемая им чрезмерно высокой, при постепенном неизбежном раскреплении крестьян от земли будет иметь результатом опустение помещичьих владений в виду возможности найти земли и заработок на более выгодных условиях¹⁾. И гр. Сиверс и Строгонов также нашли повинности непомерно высокими, несоответствующими реальной и продажной стоимости земли подлежащей уменьшению по крайней мере на $\frac{1}{3}$ (254 об. — 5, 299, 286); исходя от такой уменьшенной цены и признавая 6%-ый оброк за десятину, Строгонов предлагает плату в таком размере—от 1 р. 4 коп. до 3 р. 24 к. за десятину в зависимости от особенностей уездов²⁾. Натуральную повинность Сиверс и Строгонов находили совершенно неправильно намеченной, ибо вменение в обязанность отбывать ее всем крестьянам без различия пола в возрасте от 12 до 55 лет (§ 142) противоречит факту наделения лишь мужчин, но не женщин и детей, за которых могут со значительными сокращениями отбывать отцы и мужья, приэтом не более $1\frac{1}{2}$ дня в неделю в общем, т. е. 78 дней в год (лл. 254, 299).

Срочно-обязанный период определяется Комитетом в 12 лет в соответствии известным уже нам указаниям в правительственной программе и во избежании противоречия с соседними губерниями, дабы „до перехода из них рабочего населения не был край лишен необходимых сил к продолжению и сохранению скотоводства“ (л. 344). Строгонов предлагал 6-ти летний по соображениям общим, но не местным, опасаясь м. пр. обострения враждебных отношений крестьян к помещикам при продолжительном сроке (л. 296).

Вопрос о будущем устройении дворовых людей разработан комитетом весьма обстоятельно и детально, занимая 40 параграфов. Обязательная служба дворовых устанавливается здесь на $\frac{3}{4}$ срочно-обязательного периода (т. е. на 9 лет) (§ 239) с из'ятиями в случае перевода по воле владельца крестьян с наделением землею и т. п. (§ 211—212). В это время у владельца сохраняется право перемещения дворовых с места на место и с усадьбы на усадьбу, право подвергать наказаниям за различные поступки против помещика и его интересов и т. п. (§ 220—224). Содержание и жалованье дворовых точно регламентируется, причем последнее в таких раз-

¹⁾ АПГ, 1858, особ. 14, л. 363—379.

²⁾ Ibid., л. 299.

мерах: муж. — от 9 до 60 р. в год, ж. — 3—9 р., до 16—18 л. — половина (§ 232). Строгонов и Сиверс не касались в своих замечаниях этих предположений комитета, лишь вопрос о сроке службы дворовых Строгонов считает желательным уменьшить до $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ общего срочно-обязанного времени в предлагаемом им сокращенном виде (л. 299).

Согласно проекту владелец имения по должности начальника общества, которую он может доверить управляющему (§ 286) и не дворянского происхождения (с некот. ограничениями прав (§ 289), сосредоточивает в своих руках полицейскую власть и общий надзор как в хозяйственном и административном отношении, так и в отношении общей культурной жизни — „чтобы нравственность и правила религии сохранялись твердо“ (§ 278); для установления порядка и устранения нарушений правил помещик обладает карательной властью (§§ 279, 283 и след.).

Кратко изложенного здесь вполне достаточно, чтобы заключить, что екатеринославское дворянство и избранные им члены губ. комитета в весьма незначительной степени были заражены либерализмом. „Социализма“ же по толкованию Герсеванова в проекте мы не находим и следов. Губернский комитет несколько раз оговаривает, что „помещик сохраняет право исключительной, неприкосновенной собственности на всю землю, по законному укреплению в его владении состоящую“ с распространением его власти на недра земли, на все воды и т. д. (§ 23, 24), с правом однажды в срочно-обязанный период переселять крестьян с прежнего места на другое (§ 30, 31), продавать и закладывать населенные крестьянами земли (§ 26—37) и пр. Таким образом, священное право собственности в проекте тщательно оберегается и о выкупе крестьянами земли (кроме усадебной) в проекте не говорится (ср. § 73), что вызвало резкое замечание гр. Строгонова: „с полной откровенностью должен сказать, писал он, что настоящий § способен испортить все благое дело улучшения быта крестьян: он лишит крестьянина всякой энергии и заботливости об усилении своего хозяйства и даже о приобретении оседлости, а впоследствии породит безчисленное множество бездомных и нищих“ (л. 298).

Недостаток места не позволяет остановиться здесь на подробном рассмотрении тех фактических и конкретных оснований, которыми руководились и объясняли свои построения помещики Новороссийских губерний. Однако, изложенное выше, хотя лишь отрывочно передающее основное содержание обширных проектов и обстоятельных объяснительных записок к ним, достаточно знакомит нас с направлением умов членов губернских комитетов, а следовательно и большей части дворянства Новороссии, жившего в общем одними хозяйственными интересами, но в разной степени поддававшегося своим эгоистическим стремлениям. Прежде всего — забота о сохранении неприкосновенности прав помещиков на землю. Отсюда — полный и систематический — большей частью путем умолчания — отказ от мысли о возможном отходе наделной земли в распоряжение крестьян путем выкупа. Рядом с этим предоставление крестьянам в наделы лишь весьма незначительного количества десятин на душу, и ни в каком случае не более одной трети всех земель помещика, и малой площади для усадебной оседлости. При

этом—высокие повинности за пользование усадьбой и землей, как натуральные, так и денежные, с правом перемены места и максимальный или отчасти сокращенный период срочно-обязанного положения. Для дворовых—сохранение обязательных работ с недостаточными или с неполне достаточным жалованием и содержанием. Далее—сохранение административного и полицейского влияния помещика на все стороны жизни срочно-обязанного крестьянина, и т. д. Значит,—оберегание имущественных и владельческих интересов дворянства было одной из главных задач для составителей проектов, или иначе говоря—ими был выработан проект положения об улучшении быта крепостных крестьян с возможно менее значительным ущербом для помещичьего хозяйства и прав собственности. Если срочно обязанный период и может считаться временем более или менее нормального устройства крестьян, говоря только о принципе, но не о конкретных цифрах и формах, то окончание его представляется в виде распада вековой и извечной связи крепостного с землей, к которой он прежде всего и главнее всего был условиями жизни прикреплен, и в виде образования миллионной армии безземельных людей, обладающих усадьбой оседлостью и свободными рабочими руками, которыми можно заработать только на чужой земле. Этот призрак безземельного крестьянства, испугавший в Новороссии Скалона, Строгонова, отчасти Сиверса, Шатилова и др., был заслонен для большинства дворянства заманчивой и величественной картиной хозяйства на коммерч. началах, требовавших для полного своего торжества крупного землевладения и вольного труда, хотя бы и обезземеленного земледельца.

При всем этом в проектах Новороссийских комитетов мы не находим той мысли, что высказывал в самом начале дела Нечаев—мысли о выкупе личности крестьян, если не искать, что будет лишь предположением, именно ее в высокой ставке платежей, в длинный период срочно-обязанного положения могшей составить некоторую сумму в возмещение потери „капитала трехдневного труда крестьян“. И как слабо и не четко рядом с этим звучит ходатайство тавричан об общей реформе sudoустройства на основах гласности и суда присяжных или их же отказ от сдачи порочных в рекруты или жест херсонцев с устранением из обихода телесного наказания крестьян. Эти прогрессивные ноты диссонируют с общим охранительным направлением дворянства, если не считать, что в своих планах оно невольно шло по пути прогресса, стремясь от давно начавшего разлагаться крепостного строя к более широкому перспективам хозяйственной жизни.

Одесса, 30 июля 1921 г.

666882

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА